

Секция «Актуальные вопросы социально-политического развития: взгляд молодых исследователей — секция НСО»

Старые и новые акторы контрреформирования в рамках социальной политики в России.

Научный руководитель – Кочетков Александр Павлович

Силантьев Алексей Олегович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра российской политики, Москва, Россия

E-mail: alesha.silantev@mail.ru

В 2018-2022 годах в России все более очевидным становилось установление нового тренда в социальной политике, который можно обозначить как «новую неолиберальную реформу» [7]. Государственные акторы уровня федерального центра возобновили попытки либерализовать социальную политику путем финансовой, кадровой разгрузок государственного аппарата в пользу частных коммерческих и некоммерческих организаций.

Преыдущая попытка либерализации социальной политики, одной из составляющей которой была реформа монетизации льгот, приходилась на 2000-е годы, когда в условиях относительной стабилизации социально-экономической ситуации готовилась модернизация социальной сферы [6]. Тем не менее, данный виток либеральных реформ не увенчался успехом: ключевыми акторами контрреформирования тогда явились организации «советского наследия» (Всероссийское общество ветеранов и т.д.), являющиеся одним из основных стейкхолдеров социальной политики и «сплетенные» многочисленными неформальными связями с политиками высшего (например, В. Матвиенко) и среднего рангов. Патронат в этой ситуации оказывают политики, которые в обмен на электоральные дивиденды (явную и косвенную поддержку курса партии, и избрания конкретных представителей на депутатские и другие выборные должности), получаемые со стороны организаций-клиентел, в свою очередь способствуют сохранению прямого субсидирования этих структур на основе принципа универсализма и внеконкурсного финансирования [5]. Организации клиентелы же имеют столь большое и при этом легитимное влияние за счет декларируемого представительства на уровне взаимодействия «общество-государство» малозащищенных слоев населения и «старшего поколения» (ветеранов, пенсионеров). Такие преимущественно неформальные контакты предопределили торможение либерализации социальных льгот.

Однако, в 1990-2000-е годы на российском рынке социальных услуг появился новый актор, действующий на принципиально других основах [2]. Этим актором стали «новые» некоммерческие организации западного типа, функционировавшие на основе проектного менеджмента и конкурсного финансирования. Спонсорами этих организаций были иностранные фонды и ведомства, реализовывавшие «democracy aid» (*пер. поддержка демократии* - спонсирование, поддержание и закрепление в новых консолидирующихся демократиях продемократических сил и организаций) для Российской Федерации [5]. И, несмотря на ужесточение законодательства во второй половине 2000-х и начале 2010-х для организаций, финансируемых из-за рубежа и для самих организаций-спонсоров, «democracy aid» парадоксально сработала в пользу определенной либерализации социальной политики в России. А именно - путем создания нового типа организаций, которые, хотя и «сменили» своего спонсора с иностранных фондов на государственные, но по итогу, сохранив свой «инновационный» стиль функционирования, стали драйвером неолиберальной реформы.

Растущие бюджетные расходы государства, даже функционирующего в условиях значительной доли государственной собственности в структуре производства, рано или поздно возвращают его в позицию поиска статей расходов, которые можно сократить. И начиная с середины 2010-х, наблюдаются попытки разными способами переложить предоставление социальных услуг с государственных на «новых» акторов, расширив рынок социальной сферы. Именно в этот момент государству пригодились организации «западного типа», которым из года в год предоставлялись все большие возможности получения компенсации за свою деятельность в форме грантов, директивного отчисления части бюджетов регионального и местного уровня [3]. Но и в 2010-2022 гг., несмотря на очевидный запрос федерального центра на появление негосударственных организаций, предоставляющих социальные услуги, социальная сфера по-прежнему не занимала конкурентного рынка ввиду противодействия со стороны части региональных и местных органов власти, бюрократии, организаций «советского наследия». Основными формами торможения реформы стали: создание фиктивных АНО путем преобразования государственных бюджетных учреждений в НКО, установления низких тарифов оплаты выполняемых НКО общественно полезных услуг, установления завышенных стандартов предоставления услуг [1]. Для региональных и местных органов власти «контрреформирование» диктуется потребностью сохранить бюджетные деньги, не вовлекая дополнительного актора в их распределение, для бюрократии же соответствующее торможение реформ обуславливается а) налаженным взаимодействием с госучреждениями социальной сферы, б) стремлением изъять у НКО функции мониторинга деятельности чиновников. Однако, явные сигналы со стороны федерального центра постепенно меняли обстановку в пользу социально ориентированных НКО.

Тем не менее, начало Специальной военной операции увеличивает шанс закрепления за организациями «советского наследия» целевых субсидий ввиду появления нового важного стейкхолдера социальной политики - ветеранов СВО и их родственников. Хотя, и в этой ситуации социально ориентированные НКО проектного типа, как показала практика, могут стать главными проводниками предоставления дополнительных благ данной социальной группе.

Источники и литература

- 1) Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Проблемы развития некоммерческого сектора социального обслуживания пожилых / Журнал исследований социальной политики, 2020, 18 (3): 395 – 410 с.
- 2) Тарасенко А. Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. – СПб.: Норма, 2015. – 224 с.
- 3) Постановление Правительства РФ от 30.12.2012 № 1478 «Об имущественной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций»
- 4) Carothers Th. Abroad Aiding Democracy Abroad: The Learning Curve. Foreign Affairs 79(2), 2000. – 6 с.
- 5) Holavins A. Strategies of Russian NGOs to engage in social policy implementation. Przegląd Socjologiczny 69(2), 2020 – 55-72 с.
- 6) Kulmala, M. Post-Soviet “Political”? “Social” and “Political” in the Work of Russian Socially Oriented CSOs // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, 24, 2. 2016
- 7) Tarasenko A. Russian Non-Profit Organisations in Service Delivery: Neoliberal and Statist Social Policy Principles Intertwined / Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. No. 4. P. 514-530